

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

DK
169
N48
K78

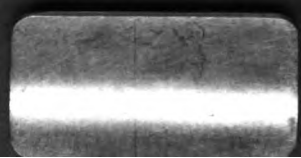
UC-NRLF

⌘B 58 015

18430

KEELEY
LIBRARY
UNIVERSITY OF
MICHIGAN

105
457

5
457

ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ

Генераль-Лейтенанта

Дмитрія Петровича НЕВЪРОВСКАГО.

1771—1813 г.

Издание Кружка ревнителей памяти Отечественной
войны 1812 года.

Подъ редакцію Ген. Штаба Полковника В. А. Афанасьева.

Москва
1912

ZHIZN' I PODVIGI
ЖИЗНЬ И ПОДВИГИ

GENERAL'-LEITENANTA
Генераль-Лейтенанта

D MITRIJA PETROVICHNA
Дмитрія Петровича
NEVIEROVSKAGO
НЕВЪРОВСКАГО.

1771—1813 г.

Издание Кружка ревнителей памяти Отечественной
войны 1812 года.

Подъ редакцію Ген. Штаба Полковника В. А. Афанасьева.

Москва
1912

KX 4

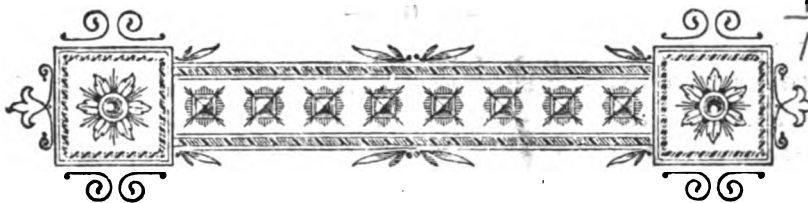
Кружокъ ревнителей памяти Отечественной войны 1812 г., при открытіи своемъ 30 января 1910 г., выслушалъ первый докладъ о формированиі въ Москвѣ генераломъ Невѣровскимъ 27 пѣх. дивизіи и участіи ея въ сраженіи 2 августа 1812 г. подъ Краснымъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи своей дѣятельности Кружокъ не забывалъ яркаго имени и подвиговъ Дмитрія Петровича Невѣровскаго, прахъ котораго остался съ 1813 г. на чужбинѣ, въ г. Галле (въ Германіи). Въ апрѣлѣ 1911 г. Кружокъ ревнителей возбудилъ черезъ Междувѣдомственную комиссію по празднованію юбилея 1812 г. ходатайство о перенесеніи праха ген. Невѣровскаго на родину, на что и послѣдовало 21 августа 1911 г. ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволеніе.

Кружокъ ревнителей, желая дать возможность всѣмъ почитающимъ память этого героя 1812 г. болѣе подробно возстановить благородныя черты его, постановилъ издать описаніе *жизни и подвиговъ Д. П. Невѣровскаго*. Настоящее описаніе составлено главнымъ образомъ на основаніи труда генераль-лейтенанта А. И. Михайловскаго-Данилевскаго „*Императоръ Александръ I и его сподвижники 1812 г.*“, ставшимъ въ настоящее время библиографической рѣдкостью. При составленіи въ 1845 г. біографіи Д. П. Невѣровскаго историкъ пользовался свѣдѣніями, полученными отъ его племянника генеральнаго штаба подполковника Дарагана.

Невровскій

Подпись генерала Невровскаго взята съ подлиннаго донесенія его
князю Багратиону о Красненскомъ дѣлѣ 2 августа 1812 г.

DK169
N48K78

Дмитрій Петровичъ Невѣровскій родился 21 октября 1771 г. въ селеніи Прохоровкѣ, на берегу Днѣпра, Полтавской губерніи, Золотоношскаго уѣзда. Отецъ Невѣровскаго, Петръ Ивановичъ, и мать, Прасковья Ивановна, урожденная Левицкая, были люди средняго достатка. Занимая мѣсто Прохоровскаго сотника, а потомъ Золотоношскаго городничаго, Петръ Ивановичъ Невѣровскій пользовался общимъ уваженіемъ всѣхъ знавшихъ его, какъ человѣкъ гостепріимный и безкорыстный. Характеръ его, пишетъ Михайловскій-Данилевскій, былъ воинственный, сродный тогдашнимъ малороссіянамъ. Дмитрій Петровичъ былъ старшимъ сыномъ и наслѣдовалъ эти качества своего отца, утвержденныя воспитаніемъ, какое въ то время давали родители своимъ дѣтямъ, какъ бы предчувствуя ту великую эпоху, когда дѣти, смѣнивъ предшествовавшее поколѣніе, сами должны будутъ явиться дѣйствующими лицами. Простота, отсутствіе изнѣженности и роскоши, почитавшихся тогда пороками, пріученіе съ малолѣтства переносить труды и пренебрегать опасностями, смѣло испытывать отроческія силы, къ постепенному образованію въ ребенкѣ твердости воли и смѣтливости,—таковы были основныя правила тогдашняго воспитанія, принятыя и въ семействѣ Невѣровскихъ. Въ этихъ правилахъ, среди малороссійскаго приволья, росъ Дмитрій Петровичъ среди дѣтскихъ забавъ съ своими братьями и хлопцами простыхъ казаковъ, потомковъ запорожцевъ. Еще семилѣтнимъ мальчикомъ часто ѣзжалъ онъ изъ отцовской деревни въ городъ одинъ, верхомъ на бойкой лошади, и никто изъ домашнихъ не беспокоился, когда и какъ онъ возвратится.

Прямодушіе и благородная сознательность съ ранней юности обнаружилась въ характерѣ молодого Невѣровскаго. Однажды провелъ онъ ночь въ шумномъ кругу товарищей, игралъ и проигралъ болѣе, нежели имѣлъ съ собою денегъ. Опечаленный возвращался онъ домой съ братьями. Не желая огорчать

добраго отца, они условились между собою не говорить ему о проигрышѣ, а свое позднее возвращеніе домой объяснить какою-то выдумкой. Старикъ Невѣровскій, озабоченный продолжительнымъ отсутствіемъ сыновей, еще не спалъ. Онъ встрѣтилъ ихъ вопросомъ: гдѣ они были и что дѣлали? Приготовленная ложь замерла на устахъ молодого Дмитрія Петровича. Не колеблясь ни минуты въ выборѣ между ложью и истиной, онъ отвѣтилъ: „я проигрался, батюшка“, при чемъ потупилъ глаза, съ тѣмъ трогательнымъ смущеніемъ, которое уничтожаетъ вину и обезоруживаетъ строгость. Слегка пожуривъ юношу, отецъ похвалилъ его откровенность и заплатилъ карточный долгъ.

Самая наружность предвѣщала въ молодомъ Невѣровскомъ чловѣка замѣчательнаго. Онъ былъ двухъ аршинъ и двѣнадцати вершковъ роста, стройно сложенъ, силенъ, хорошій ѣздокъ, имѣлъ мѣткій глазъ и былъ искусный стрѣлокъ. Получивъ довольно основательное, несмотря на недостаточное состояніе родителей, образованіе, хорошо зная русскій и латинскій языки, математику, привлекательный въ обращеніи, Невѣровскій нравился всѣмъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе графа Петра Васильевича Завадовскаго, когда этотъ сановникъ блестящаго Екатерининскаго вѣка, пріѣзжая въ Малороссію, посѣщалъ своего сосѣда по имѣнію, отца Невѣровскаго, и часто проводилъ время въ многолюдной семьѣ его, состоявшей изъ четырехъ сыновей и десяти дочерей. Принимая участіе въ судьбѣ своего сосѣда и угадывая въ старшемъ сынѣ его счастливыя способности, графъ Завадовскій убѣдилъ Петра Ивановича отпустить съ нимъ юношу въ Петербургъ, обѣщая устроить его судьбу. Возможно ли было обремененному семьей Невѣровскому не принять лестнаго предложенія? Напутствуемый благословеніями отца, пятнадцатилѣтній Дмитрій Петровичъ отправился въ Петербургъ съ графомъ Завадовскимъ, гдѣ и поселился въ его домѣ. 16 мая 1786 года молодой Невѣровскій былъ принятъ Лейбъ - Гвардіи въ Семеновскій полкъ сержантомъ и всей душой предается любимой имъ военной службѣ.

Умный отъ природы, пріученный строго относиться къ своимъ обязанностямъ, пріобрѣтая познаніе людей въ высшемъ

кругу петербургскаго общества, собиравшагося въ домѣ вельможи, графа Завадовскаго, Невѣровскій скоро сталъ въ ряду отличнѣйшихъ молодыхъ людей того времени. Разсѣянные увеселенія и удовольствія большого свѣта, столь обаятельныя для молодости, не охлаждали усердія юноши къ службѣ, страстно имъ любимой. Часто стоялъ онъ въ караулѣ за своихъ товарищей, знакомясь здѣсь съ солдатскимъ бытомъ, и приобрѣтъ полезное, не часто встрѣчаемое, умѣнье говорить съ солдатами. Все въ Невѣровскомъ нравилось имъ: и величественный стройный станъ, и громкій, звучный голосъ, и веселая, искренняя рѣчь его. „Молодецъ“ говаривали солдаты, любясь имъ передъ фронтомъ или толкуя на досугѣ о своихъ начальникахъ.

Но въ то время, когда въ сѣверной столицѣ Екатерины раздавался шумъ пиршествъ, изъ южныхъ предѣловъ Россіи приносились громовые отголоски иной потѣхи: начиналась вторая война Императрицы съ турками, столь славная и важная своими послѣдствіями для русскихъ. Жаждущій еще незнакомаго ему огня битвъ, Невѣровскій не хотѣлъ оставаться въ Петербургѣ, въ такое время, когда предстояла возможность быть участникомъ подвиговъ русскаго воинства. Онъ рвался на войну.

Напрасно графъ Завадовскій отклонялъ его отъ принятаго имъ намѣренія, представляя ему всѣ выгоды службы въ гвардіи; напрасно истощалъ ласковыя увѣщанія и угрозы, страшая лишеніемъ своего покровительства. Безъ согласія графа, даже не предупредивъ его, Невѣровскій испросилъ себѣ переводъ въ армію. 3 октября 1787 года, опредѣленный поручикомъ въ Малороссійскій кирасирскій полкъ, не простясь ни съ кѣмъ, онъ тайно оставилъ графскій домъ и, увлекаемый neodолимымъ призваніемъ, поскакалъ на бранное поле.

Не вдругъ, однако, исполнилось пламенное желаніе Невѣровскаго помѣряться съ турками: только въ слѣдующемъ 1788 году, 7 сентября, въ первый разъ увидѣлъ онъ лицомъ къ лицу непріятеля, въ дѣлѣ при р. Сальчѣ, преслѣдуя потомъ всю турецкую армію до самаго Измаила. Въ 1790 году участвовалъ онъ въ покореніи Бендерской крѣпости, а по заключеніи мира съ Портою переведенъ былъ въ армію, дѣйствовавшую противъ поляковъ. Здѣсь находился онъ въ дѣлахъ при Деревницѣ и Городницѣ въ іюнѣ 1792 г.,

и за отличіе получилъ чинъ капитана. Въ 1794 г. капитанъ Невѣровскій находился въ Варшавѣ, когда тамъ вспыхнуло возмущеніе, послѣ чего принималъ участіе во всѣхъ дѣлахъ подъ начальствомъ Суворова. Въ сраженіи при Мацеовицахъ, 29 сентября, Невѣровскій былъ на томъ мѣстѣ, гдѣ взяли въ плѣнъ Костюшку. Особенно отличился онъ при взятіи штурмомъ Праги, 24 октября того же года. Чинъ секундъ-маіора и золотой Прагскій крестъ—гордость Екатерининскихъ воиновъ—были наградою 24-лѣтнему Невѣровскому.

Послѣ усмиренія Польши, долго, но невольно бездѣйствовалъ Невѣровскій. Въ 1803 году, когда образовались морскіе полки, онъ былъ назначенъ командиромъ перваго изъ нихъ и въ сентябрѣ того же года получилъ чинъ полковника, а черезъ шесть мѣсяцевъ, въ мартѣ 1804 г., произведенъ на 33 году въ генераль-маіоры, съ назначеніемъ шефомъ 3-го морского полка, расположеннаго въ Ревелѣ. Въ маѣ 1806 г. генераль Невѣровскій представлялъ Императору Александру батальонъ своего полка, по возвращеніи изъ похода въ Шведскую Померанію, найденный Монархомъ въ столь отличномъ состояніи, что Невѣровскому пожалованъ былъ брильянтовый перстень, а вслѣдъ за тѣмъ, послѣ смотра инспектора морскихъ полковъ, еще и орденъ Св. Владиміра 3 степени.

По воспоминанію о благосклонности Императора Александра и другому обстоятельству, которое было близко сердцу Невѣровскаго, пребываніе въ Ревелѣ считалъ онъ счастливѣйшею эпохою своей жизни. Семнадцатилѣтняя дочь адмирала Муцина-Пушкина, Елизавета Алексѣевна, была тогда предметомъ общаго вниманія въ Ревелѣ, окруженная толпою поклонниковъ и искателей ея руки. Невѣровскій увидѣлъ и полюбилъ ее страстно. Одаренный самъ пріятною наружностью, ловкій, съ небольшимъ тридцати лѣтъ—и уже генераль, отличенный вниманіемъ Монарха, онъ предпочтенъ былъ своимъ соперникамъ, и повелъ къ алтарю избравшую его. Въ день свадьбы, 27 іюля 1805 г., весь городъ съѣхался любоваться цвѣтушею четою. Черезъ два мѣсяца молодые супруги должны были разстаться. Въ числѣ войскъ, подъ начальствомъ графа Толстого назначенныхъ въ Шведскую Померанію, находился и 3-ій морской полкъ. 24 сентября Невѣровскій сѣлъ съ нимъ на суда, и

послѣ пятидневнаго бурнаго плаванія, прибывъ въ Стральзундъ, выступилъ къ берегамъ Везера. Но военныхъ дѣйствій въ корпусѣ графа Толстого не происходило, и жребій войны рѣшенъ былъ подѣ Аустерлицемъ. Невѣровскій возвратился въ Россію, имѣя счастье, на обратномъ пути, представлять своей полкъ Прусскому Королю и Королевѣ и удостоился особеннаго благоволенія ихъ за превосходное состояніе полка.

Въ двухъ стахъ верстахъ отъ Ревеля, куда спѣшили не терпѣливо Невѣровскій, онъ былъ восхищенъ неожиданнымъ, но тѣмъ болѣе сладостнымъ свиданіемъ съ супругою, спѣшившею встрѣтить его и представить ему дочь, рожденную во время похода его въ Ганноверъ. Въ жизни военнаго человѣка, исполненной лишений, требующей пожертвованій нѣжнѣйшими узами любви и родства, живѣе ощущаются минуты счастья и тихихъ наслажденій домашняго быта. Раздѣляя со своими офицерами горе и радости, почитая ихъ какъ бы принадлежащими къ своей собственной семьѣ, Невѣровскій не могъ не подѣлиться съ ними и ощущеніями столь пріятной встрѣчи: съ восторгомъ отца показывалъ онъ малютку, дочь свою, сослуживцамъ, столпившимся вокругъ любимаго начальника и привѣтствовавшимъ его искреннѣйшими поздравленіями. Но Богу не угодно было продлить дни дочери Невѣровскаго. Не имѣя болѣе дѣтей, онъ всю отцовскую нѣжность своего сердца обратилъ на братьевъ и племянниковъ своей обширной семьи. „Старайтесь только дать образованіе дѣтямъ вашимъ“, писалъ онъ своимъ сестрамъ, „а объ остальномъ не беспокойтесь: я беру на себя сдѣлать изъ нихъ достойныхъ слугъ Государю и отечеству“.

При всемъ желаніи Невѣровскаго, не могъ онъ участвовать во второй войнѣ Императора Александра съ Наполеономъ. Въ 1808 году, 3-ій морской полкъ содержалъ караулы въ С.-Петербургѣ и былъ оставленъ въ Кронштадтѣ. Черезъ годъ, видя превосходное состояніе 3-го морского полка, Александръ назначилъ Невѣровскаго шефомъ Павловскаго гренадерскаго полка. Отличившійся на поляхъ битвъ, этотъ полкъ имѣлъ пробитыя пулями гренадерки, съ именами тѣхъ воиновъ, на головахъ коихъ блестяли онъ подѣ Чарновымъ, Пултускомъ и Преисшъ-Эйлау. Вступивъ въ командованіе славнымъ полкомъ, Невѣровскій вскорѣ приобрѣлъ въ немъ ту же привязан-

ность къ себѣ подчиненныхъ, какою пользовался отъ прежнихъ. Любопытное зрѣлище являли гренaдеры, когда, послѣ ученья или смотра, окружали они своего молодого генерала, восторженно принимая благодарность и слушая наставленія его

Павловскій гренaдеръ въ 1812 году.

къ дальнѣйшему усовершенствованію. Время командованія Невѣровскимъ Павловскимъ гренaдерскимъ полкомъ должно считать образцовой подготовкой полка къ боевой дѣятельности въ приснопамятномъ 1812 г., за высокіе боевые подвиги въ которомъ, на Бородинскомъ полѣ и въ ноябрѣ подъ г. Краснымъ, Павловскій полкъ переведенъ въ гвардію и получилъ георгіевскія знамена, награды въ своемъ родѣ единственныя. Интересно, что въ то далекое время, когда всѣ боевыя дѣйствія и все обученіе велось въ массахъ, Невѣровскій полагалъ въ основу одиночное обученіе каждаго отдѣльнаго солдата, стараясь сдѣлать изъ него сильнаго и разумно-дѣйствующаго бойца. На сбереженіе ружей, *„яко первѣйшихъ предметовъ на службѣ“*, обращалъ онъ серьезное вниманіе всѣхъ¹⁾; прицѣлкѣ онъ придавалъ огромное значеніе, а повѣрку прикладки ежегодно производилъ лично самъ каждому гренaдеру. Въ Павловскомъ полку уже въ 1811 г. происходили состязанія въ стрѣльбѣ, и это въ то время, когда на обученіе отпускали *всего 6 пуль въ годъ*. Будучи

самъ отличнѣйшимъ стрѣлкомъ, Невѣровскій часто, во время стрѣльбы,

¹⁾ Приказъ Павловскому полку 21 августа 1811 г.

бралъ у промахнувшагося ружье—и врѣзывалъ пулю въ середину цѣли, говоря: „вотъ какъ надо стрѣлять Павловскому гренадеру“. — „На все-то онъ гораздъ“, говорили открыто о немъ Павловцы.

Но не съ Павловскимъ полкомъ суждено было Невѣровскому въ 1812 г. встрѣтить непріятеля. Императоръ Александръ, видя въ немъ одного изъ самыхъ отличныхъ командировъ, указалъ ему поприще болѣе обширное, поручивъ ему, въ концѣ 1811 года, составить въ Москвѣ новую, 27 дивизию. „Дмитрій Петровичъ“, сказалъ ему Государь при этомъ назначеніи: „дивизию нужно сформировать очень скоро. Дѣло это трудное, но Я совершенно увѣренъ, что ты оправдаешь Мое ожиданіе“.

20 января 1812 г. Невѣровскийъ сдалъ горячо любимый имъ полкъ, отдавъ приказъ: „прощайте, молодцы гренадеры, не поминайте лихомъ своего командира. Я же *время. это и васъ никогда не забуду*“²⁾.

Прискакавъ на перекладныхъ изъ м. Бѣшенковичей, гдѣ стоялъ тогда Павловскій полкъ, въ Москву, Невѣровскийъ ревностно принялся за исполненіе возложеннаго на него порученія. Приемъ и распредѣленіе частей пѣхотныхъ и гарнизонныхъ полковъ и батальоновъ, поступавшихъ въ составъ новой, 27 дивизіи, обмундированіе, вооруженіе, обученіе фронту и стрѣльбѣ, снабженіе обозомъ и подъемными лошадьми,—все производилось одновременно, дѣятельно, съ глубокимъ пониманіемъ дѣла самимъ Невѣровскимъ и при содѣйствіи помощниковъ его, бригадныхъ командировъ—Княжнина, Воейкова и флигель-адъютанта Ставицкаго. Въ два мѣсяца дивизія была совершенно образована и, почти вся состоявшая изъ молодыхъ солдатъ, доказала очень скоро на полѣ чести, что не уступала старымъ войскамъ. Невѣровскийъ предвидѣлъ будущіе успѣхи сформированныхъ имъ полковъ. Однажды офицеры собрались на къ нему на завтракъ. „Посмотрите“, сказалъ онъ имъ, указывая на солдатъ, „какихъ чудесъ надѣлаеть эта молодежь въ сраженіи“.

Невѣровскийъ, отдѣляя изъ дивизіи все по его мнѣнію не вполне подходящее, сумѣлъ сразу вдохнуть высокій воинскій духъ во всю дивизию, спѣшно укомплектованную

²⁾ Исторія Л.-Гв. Павловскаго полка, стр. 137.

выдѣленными ротами различныхъ полковъ, и поселилъ въ дивизіи самоувѣренность, возбуждая воинское честолюбіе и развывая понятія о священномъ долгѣ присяги и самоотверженіи. Престарѣлый фельдмаршалъ графъ Гудовичъ, бывшій тогда главнокомандующимъ въ Москвѣ, не разъ любясь новою дивизіей и ея молодыми офицерами, большею частью только что выпущенными изъ кадетскихъ корпусовъ, называлъ ее „Московской гвардіей“.

11-го апрѣля новая дивизія была совершенно готова и, какъ доносилъ Государю Московскій главнокомандующій, „въ благоуспѣшномъ сформированіи сея дивизіи я отдаю совершенную справедливость отличному усердію, неусыпнымъ стремленіямъ и дѣятельности командира оной генераль-маіора Невѣровскаго“³⁾). Императоръ Александръ наградилъ его орденомъ Св. Анны 1-ой степени.

Наступила весна Двѣнадцатаго года. Вся Россія ожидала войны, долженствующей рѣшить судьбу Европы. Русскіе тогда не сознавали еще къ какому одушевленію способны всѣ словія государства, честью воспламененнаго къ кровавой защитѣ вѣры и престола Александра. Всѣ рѣшались биться на смерть, но не во всѣхъ русскихъ сердцахъ было полное самосознаніе, несомнѣнное предчувствіе непобѣдимости Россіи. Невѣровскій принадлежалъ къ числу убѣжденныхъ въ побѣдѣ надъ Наполеономъ. Во всѣхъ словахъ и поступкахъ его выражалась увѣренность будущихъ успѣховъ, и онъ мысленно предназначалъ своей дивизіи то мѣсто, какое впоследствии, и скоро, заняла она въ русской арміи.

Когда Невѣровскій ежеминутно ожидалъ повелѣнія выступить изъ Москвы въ походъ, старшій братъ его, Павелъ, избранъ быть начальникомъ ополченія Новомосковскаго уѣзда, другой братъ его Александръ служилъ въ гвардіи, третій, Иванъ, — лейтенантомъ въ Черноморскомъ флотѣ. Не смотря на врожденную страсть къ морю, ознаменованную замѣчательными успѣхами по службѣ, ибо въ чинѣ мичмана уже получилъ онъ Георгія 4-го класса за подвигъ подъ Анапою, Иванъ Невѣровскій просилъ старшаго брата своего, Дмитрія,

³⁾ Военный Сборникъ 1908 г. Май. 289 стр.

о переводѣ его въ армію. Онъ желалъ стать грудью за отечество и находится тамъ, гдѣ было болѣе опасности. Николай Мусинъ-Пушкинъ, братъ жены Невѣровскаго, служившій въ Павловскомъ полку, получилъ отъ матери своей слѣдующее письмо: „Благословляю тебя на войну! Надобно ожидать, что будутъ большія дѣла. Помни, что ты сынъ храбраго русскаго адмирала; будь достоинъ имени, которое ты носишь. Мнѣ лучше услышать о твоей смерти, чѣмъ узнать, что ты отступилъ передъ непріятелемъ“ ⁴⁾. Исполненное такихъ возвышенныхъ чувствъ, это письмо, омоченное слезами женщины, обрекавшей смерти за отечество своего *единственнаго* сына, можетъ служить образцомъ величія характера русскихъ матерей нашего принопамятнаго Двѣнадцатаго года.

Такимъ образомъ, всѣ четыре брата Невѣровскаго и родственникъ ихъ, Николай Мусинъ-Пушкинъ, одушевлены были однимъ стремленіемъ стать подъ знамена отечества, когда оно призывало подъ священную хоругвь всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи. Старецъ, отецъ Невѣровскихъ, не жилъ уже, но конечно изъ иного, тихаго міра посылалъ невидимое благословеніе достойнымъ дѣтямъ своимъ. Покидая семейства, спѣшили тогда всѣ они на великое общее дѣло: стать за престолъ Александра, угрожаемый неслыханнымъ дотолѣ нашествіемъ. И такъ было не въ одномъ семействѣ Невѣровскихъ,—такъ было во всемъ неисходимомъ государствѣ Россійскомъ. Здѣсь, въ общемъ одушевленіи и въ твердости Императора Александра является неодолимая преграда, остановившая напоръ Наполеона и приведенныхъ имъ противъ Россіи войскъ со всей Европы; здѣсь разгадка паденія вѣнценоснаго исполина, непобѣдимаго до тѣхъ поръ Наполеона.

Сформированная Невѣровскимъ 27-я дивизія состояла изъ полковъ: Одесскаго, Тарнопольскаго (нынѣ 56 пѣх. Житомирскаго), Виленскаго и Симбирскаго пѣхотныхъ, 49 и 50 егерскихъ. 1-го мая 1812 года началось выступленіе дивизіи изъ Москвы въ походъ въ числѣ 211 офицеровъ и 8100 нижнихъ чиновъ, и 22 іюня въ Новогрудкѣ она примкнула ко второй арміи князя

⁴⁾ Л.-Гв. Павловскаго полка подполковникъ Николай Алексѣевичъ Мусинъ-Пушкинъ, отличившійся въ сраженіяхъ подъ Бородинымъ и г. Краснымъ, былъ убитъ въ сраженіи при Бауценѣ 8 мая 1813 г.

Багратиона, педшей на соединеніе съ первою. Изъ Новогрудка Багратионъ, отрѣзанный корпусами маршала Даву и короля Вестфальскаго, долженъ былъ свернуть на Несвижъ и Бобруйскъ. Движеніе молодой 27-ой дивизіи, втянутой длиннымъ походомъ изъ Москвы, выдавалось даже въ такой арміи, какова была вторая армія князя Багратиона и, какъ пишетъ участникъ похода, она шла такъ скоро, что нерѣдко дѣлала по 70—80 верстъ въ сутки, не имѣя времени сварить даже кашицу. А это было въ іюнѣ, среди нестерпимой жары и лѣсныхъ пожаровъ, когда дорога по обѣ стороны была въ огнѣ. „Всякій, замѣчаетъ очевидецъ, спасалъ себя и не отставалъ“³⁾. Наконецъ, послѣ ряда боевъ подъ Миромъ, Дашковкою и Могилевомъ, вторая армія переправилась чрезъ Днѣпръ въ Быховъ и 22 іюля соединилась съ первою арміею въ Смоленскѣ. Продолжительному отступленію насталь, какъ казалось, конецъ.

Ослабленная рядомъ боевъ и труднымъ походомъ, Великая армія Наполеона нуждалась въ отдыхѣ и стала на широкихъ квартирахъ отъ Витебска до Днѣпра. Пользуясь этимъ, соединившіяся русскія арміи рѣшили перейти въ наступленіе отъ Смоленска къ Руднѣ. На правый берегъ Днѣпра, къ г. Красному, князь Багратионъ послалъ 27-ю дивизію Невѣровскаго, усиливъ ее Харьковскимъ драгунскимъ, двумя казачьими полками и ротю № 31-го батареинной артиллеріи. Сверхъ того князь Багратионъ, желая, чтобы у Невѣровскаго было нѣсколько болѣе обстрѣлянной пѣхоты, помѣстилъ въ его дивизію два старые полка, Полтавскій и 41 егерскій (нынѣ 16 гр. Мингрельскій), взамѣнъ коихъ взялъ Одесскій и Тарнопольскій полки. Необходимость замѣны вытекала еще, вѣроятно, изъ глубокаго пониманія княземъ Багратиономъ важности дѣйствій егерей въ арьергардныхъ дѣлахъ. Всего т. о. у Невѣровскаго было 4 полка своей 27-ой дивизіи, или 8 бат. Полтавскій полкъ (26 дивизіи)—2 бат., 41 егерскій (12-ой дивизіи)—2 бат., при чемъ изъ 12 батальоновъ—6 было линейныхъ и 6 егерскихъ. Невѣровскому было приказано наблюдать Оршанскую и Мстиславльскую дороги и держаться въ Красномъ возможно долѣе, не открывая Смоленска.

Но пока обѣ соединенныя русскія арміи ходили взадъ и впередъ отъ Смоленска къ Руднѣ, Порѣчью и обратно, Напо-

³⁾ Воспоминанія Н. Н. Андреева. Русскій Архивъ. 1879 г. кн. III, стр. 182.

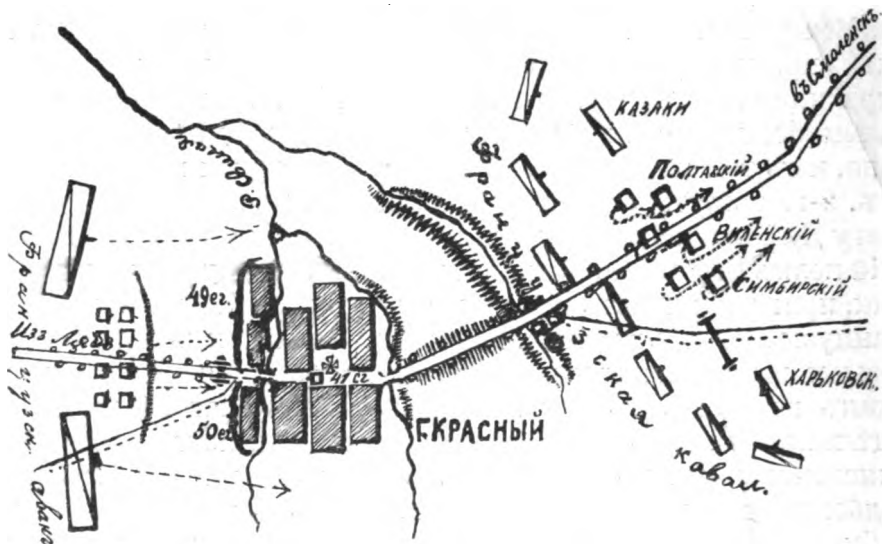
леонъ задумалъ и быстро совершилъ превосходное движеніе. Собравъ свою 180.000 армію съ широкихъ квартиръ, онъ переправился въ Хоминѣ и Расаснѣ черезъ Днѣпръ и двинулся на Смоленскъ, намѣреваясь занять городъ прежде русскихъ и, отбросивъ Баркляя-де-Толли и Багратіона на сѣверъ, къ Торопцу или Великимъ-Лукамъ, стать между арміями ихъ и полуденными губерніями Россіи. Такимъ образомъ, вся громада Наполеоновыхъ силъ должна была раньше всего обрушиться на Невѣровскаго.

Между тѣмъ Невѣровскій посылалъ разъѣзды въ разныя стороны, приказывая Красненскимъ предводителю дворянства и исправнику имѣть непрерывныя сношенія съ пограничными жителями Могилевской губерніи, дабы узнавать о дѣйствіяхъ Наполеона, и съ тою же цѣлью отправлялъ въ разныя мѣста лазутчиковъ. 2-го августа, обозрѣвая свои полки, Невѣровскій стоялъ на берегу Днѣпра, когда донесли ему, что къ Лядамъ, гдѣ былъ казачій полкъ Быхалова, подходятъ французы. Спустя немного времени, прискакали изъ Лядовъ казаки, говоря Невѣровскому, что французы „валомъ валяютъ“. Невѣровскій отправилъ въ Смоленскъ обозы и вьюки, построилъ дивизію въ боевой порядокъ и прочиталъ войскамъ приказъ, одушевленный благородною самонадѣянностью. Вскорѣ дѣйствительно начали показываться многочисленныя силы французовъ. Онѣ шли на одной высотѣ, столбовою дорогою и полями. То былъ авангардъ Великой арміи, подъ начальствомъ Мюрата, изъ 15.000 конницы и пѣхотной дивизіи Ледрю. Завидя Невѣровскаго, Мюратъ раздѣлил войска на нѣсколько частей, намѣреваясь охватить Невѣровскаго съ разныхъ сторонъ, какъ вѣрную добычу.

Позиція передъ Краснымъ становилась надежною, потому что за городомъ дорога шла плотиною. Невѣровскій, оставивъ въ Красномъ 41 и 49 егерскіе полки, батальонъ 50 егерскаго и 2 орудія, самъ съ 3 полками и съ 10 батарейными пушками потосель за городъ и плотину. Развернувъ полки за оврагомъ, онъ поставилъ орудія на лѣвомъ крылѣ, прикрывъ ихъ Харьковскими драгунами, а казаковъ расположилъ на правомъ крылѣ (см. схему). Невѣровскій сознавался на другой день Паскевичу, что понесъ бы менѣе потерь, если бы поставилъ батарею между пѣхотными колоннами. Желая на всякій случай имѣть за собою опору, Невѣ-

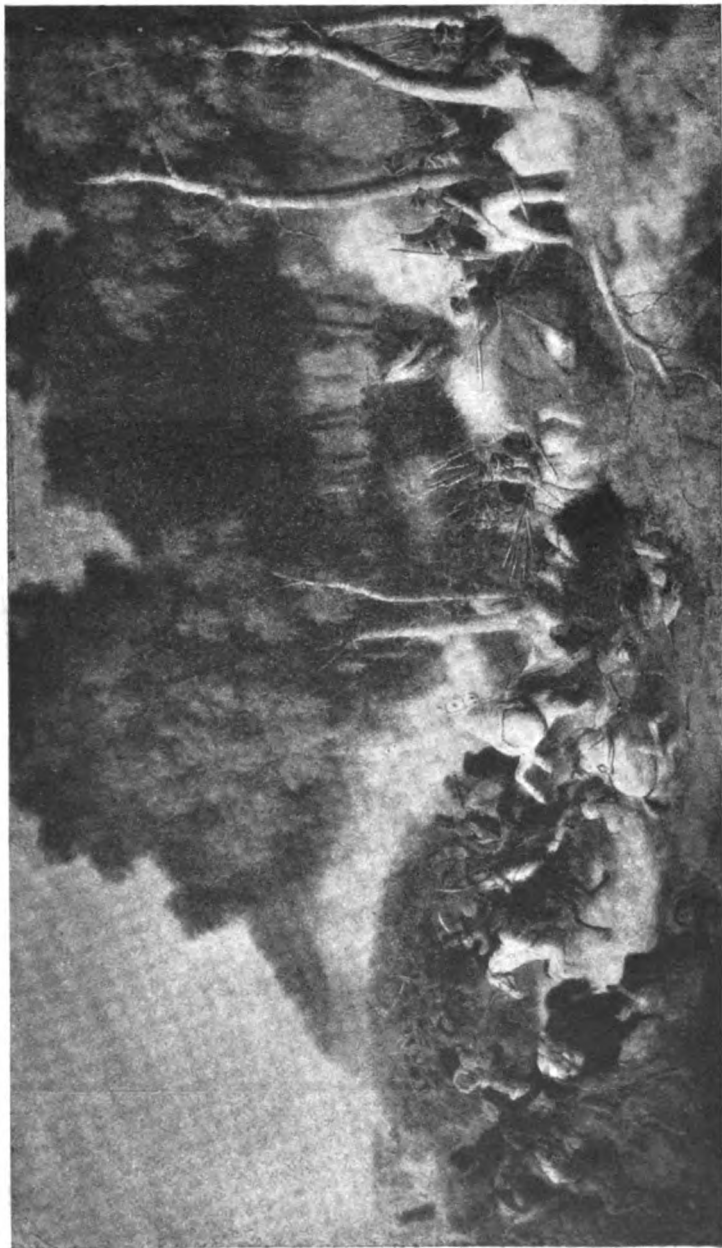
ровскій отправилъ назадъ къ Смоленску, за 12 верстъ, батальонъ 50 егерскаго полка и казачій полкъ Грекова, съ двумя конными орудіями подъ начальствомъ полковника Назимова, которому велѣлъ занять тамъ переправу на небольшой рѣчкѣ у дер. Мерлино. Едва построились войска на новой позиціи, французы атаковали Красный, открытый со всѣхъ сторонъ. Тучи пуль

Схема сраженія 2 августа.
(Составлена на основаніи донесенія Невѣровскаго).

полетѣли въ занимавшихъ предмѣстье егерей. Опасаясь быть отрѣзанными и не имѣя возможности долѣе защищаться, егеря отступили. Ружейный огонь французовъ былъ настолько силенъ, что въ самомъ началѣ лошади подъ орудіями были перебиты и орудія, увозимыя на рукахъ, стали добычей непріятели при выходѣ изъ города.

Когда Мюратъ приблизился къ лѣвому крылу Невѣровскаго, Харьковскіе драгуны атаковали его, но были опрокинуты. Наша батарея осталась такимъ образомъ безъ прикрытія. Французы ударили на нее и захватили 5 пушекъ, остальные ушли по Смоленской дорогѣ: доказательство, что непріятельская кавалерія не совсѣмъ была хороша,—исправная конница не дозволила бы спасти батарейныя орудія. Одновременно съ Харь-

Людвиг Гессера Неаполитанца подъ Красныя 2 августа 1812 г.
Въ серединѣ каре, около знамени, изображенъ верхомъ на лошади Д. П. Невѣровский.
Съ картины Гессе, написанной по ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнiю, въ Зимнемъ Дворцѣ.

ковскими драгунами атаковали стоявшіе на нашемъ правомъ крылѣ казаки, и также были опрокинуты вслѣдствіе огромнаго превосходства въ числѣ французской кавалеріи. Такимъ образомъ Невѣровскій съ самаго начала сраженія остался безъ артиллеріи и конницы, съ одной только пѣхотою. Французская пѣхота подходила атаковать его съ фронта, конница насѣдала на фланги.

Дождавшись присоединенія къ нему бывшихъ въ Красномъ егерскихъ полковъ, Невѣровскій свернулъ батальоны въ каре и сказалъ имъ: „Ребята, помните, чему васъ учили; поступайте такъ, и никакая кавалерія не побѣдитъ васъ. Не торопитесь въ пальбѣ; стрѣляйте мѣтко въ лицо непріятеля, третья шеренга передавай ружья не суетясь; никто не смѣй начинать пальбы безъ моей команды!“ Приказаніе было выполнено точно. Непріятель, опрокинувъ драгунъ и казаковъ, изрубивъ половину артиллеристовъ, мчался съ двухъ сторонъ. Его подпустили на ближайшій ружейный выстрѣлъ. Неподвижное, какъ будто окаменѣлое каре, не внимая происходившему бурному смятенію вокругъ, стояло безмолвное, стройною стѣною. Загремѣло начальническое: „тревога“, барабаны подхватили, батальный, прицѣльный огонь покатился круглою дробью, и въ мигъ французскіе всадники и лошади устлали трупами своими землю. Одинъ польскій полковникъ съ нѣсколькими удалъцами, въ вихрѣ боя, домчался до угла одного изъ нашихъ каре и палъ на русскихъ штыкахъ. Атакующія линіи быстро повернули назадъ и ускакали безпорядочно, съ большою потерею. Невѣровскій велѣлъ ударить отбой пальбѣ и привѣтствовалъ солдатъ. „Видите ребята“, радостно сказалъ онъ, „какъ легко исполняющей свою обязанность пѣхотѣ побѣждать кавалерію; благодарю васъ и поздравляю“. Единодушное, непрерывное „ура!“ и „рады стараться!“ раздавались ему въ отвѣтъ.

Отбросивъ французовъ, Невѣровскій началъ отступать. Непріятель удвоилъ кавалерійскія атаки съ тыла и фланговъ. Отходя уступами въ каре и заслоняясь деревьями, которыми обсажена дорога, Невѣровскій отбивался очень удачно. Мюратъ предложилъ ему сдаться. Отвѣтъ Невѣровскаго понятенъ.

Непріятель находился такъ близко, что могъ переговариваться съ нашими солдатами, и вызывалъ ихъ положить оружіе, говоря, что все равно все будутъ въ плѣну. Солдаты Полтавскаго полка,

воодушевленные храбрымъ Невѣровскимъ, закричали: „умремъ, а не сдадимся“. На 6 верстѣ, на изгибѣ дороги, былъ самый большой натискъ, но деревья и рвы широкаго Екатерининскаго тракта препятствовали французамъ врѣзаться въ русскія колонны. Стойкость пѣхоты Невѣровскаго уничтожала пылкость нападеній. Мюратъ безпрестанно вводилъ свѣжія войска въ дѣло, но всѣ они были отбиваемы. Наши, отмѣчаютъ участникъ, безъ различія полковъ, смѣшались наконецъ въ одну колонну—кучу и, тѣсно сплотясь, отступали, отстрѣливаясь и отражая атаки. Такъ отошли еще 8 верстѣ. Въ одномъ мѣстѣ, гдѣ прекращались березы и рвы на дорогѣ, обнесенная плетнемъ деревня едва не разстроила отступления. Непрiятель захватывалъ тылъ колонны и шель уже вмѣстѣ съ нею. Одолѣвъ и здѣсь препятствiя, Невѣровскій приближался къ рѣчкѣ, и когда былъ за версту отъ нея, Назимовъ открылъ огонь изъ двухъ орудій, посланныхъ ранѣе съ 50 егерскимъ полкомъ. Непрiятель вообразивъ, что тутъ ожидаетъ русскихъ сильное подкрѣпленіе, тѣмъ болѣе, что Назимовъ бросился на конницу въ штыки, остановился. Наши благополучно переправились за рѣчку, гдѣ держались до вечера. Мюратъ не атаковалъ болѣе, и только бросилъ нѣсколько ядеръ. Такимъ образомъ, болѣе 12 верстѣ отходила съ непрерывнымъ боемъ дивизія Невѣровскаго, отбиваясь, по словамъ донесенія, свыше пяти часовъ штыками и отстрѣливаясь пулями⁶⁾.

Давъ вздохнуть войскамъ и разобравшись по полкамъ, Невѣровскій отошелъ ночью до оврага, въ 6 верстахъ отъ Смоленска, гдѣ встрѣтилъ посланнаго на выручку съ 8 батальонами командира 26 дивизіи генерала Паскевича, впоследствии фельдмаршала. Сообщая генералу Михайловскому-Данилевскому—историку войны 1812 г.—замѣчанія свои объ отступленіи Невѣровскаго отъ Краснаго, фельдмаршалъ такъ писалъ ему:

„Къ стыду французовъ, при 15.000 кавалеріи и одной дивизіи пѣхоты, была у нихъ одна только батарея. Если бы они имѣли болѣе артиллеріи, Невѣровскій погибъ. Немного также чести и ихъ конницѣ: громада ея, какая была у Мюрата, въ *сорокъ атакъ* не могла истребить нашей пѣхоты. Разсматривая

⁶⁾ Подлинное донесеніе Невѣровскаго 16 августа 1812 г. № 1379. Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. опись 208 св. О. л. 106 л. 75.

ближе Наполеонову армію, безусловно вездѣ и въ Россіи превозносимую, видимъ, что генералы его не были такъ распорядительны, какъ увѣряють, а кавалерія не заслуживала похвалъ ей воздаваемыхъ. Истинное преимущество французовъ въ походѣ 1812 года состояло въ непомѣрномъ числѣ силъ“.—Но и это дѣйствительно непомѣрное число не имѣло преимущества 2 августа на Красненской дорогѣ надъ дивизіей Невѣровскаго.

Наполеонъ былъ весьма недоволенъ распоряженіями своихъ генераловъ подѣ Краснымъ. „Я ожидалъ“, сказалъ онъ Мюрату, „всей дивизіи русскихъ, а не 7 отбитыхъ у нихъ орудій“. Князь Багратіонъ, тогда лучшій судья военныхъ подвиговъ, самъ находившійся нѣкогда подѣ Шенграбеномъ (въ 1805 г.) въ такомъ же положеніи, какъ Невѣровскийъ подѣ Краснымъ, писалъ въ донесеніи Государю: „нельзя довольно похвалить храбрости и твердости, съ какою дивизія, совершенно новая, дралась противъ чрезмѣрно превосходныхъ силъ непріятельскихъ. Можно даже сказать, что *примѣра такой храбрости* ни въ какой арміи *показать нельзя*“.

Французы приписали безуспѣшность дѣйствій Мюрата двумъ обстоятельствамъ: 1) что ихъ конныя артиллерійскія роты, по причинѣ волнистаго мѣстоположенія, не могли поспѣвать во время, и 2) что Мюратъ не выждалъ для начала нападеній прибытія всей кавалеріи, но посылалъ въ атаку полки, по мѣрѣ того, какъ они подходили. Виня распоряженія Мюрата, французы въ то же время превозносятъ Невѣровскаго. Одинъ изъ нихъ пишетъ: „красненское дѣло являетъ достопамятный примѣръ превосходства хорошо выученной пѣхоты надъ конницею“⁷⁾. Другой, секретарь Наполеона, Fain: — „самая блистательная храбрость нашихъ солдатъ истощается; ударяя въ густую колонну, они рубятъ ее, но не могутъ сломить“⁸⁾. Третій восклицаетъ: *Névérofsky fit une retraite de lion* („Невѣровскийъ отступалъ какъ левъ“)⁹⁾.

„Совершивъ подвигъ и соединясь со мною“, сообщалъ фельдмаршалъ Паскевичъ Михайловскому-Данилевскому, „Невѣровскийъ предавался совершенному отчаянію. Онъ думалъ только

⁷⁾ Chambray, Histoire de l'expédition en Russie. T. I, стр. 304.

⁸⁾ Fain, Manuscrit de 1812. T. I, стр. 302.

⁹⁾ Ségur, Histoire de Napoléon & de la Grande Armée. T. I, стр. 250.

о понесенныхъ потеряхъ, и я не могъ утѣшить его, сколько ни повторялъ ему, что его отступленіе было не пораженіе, *но торжество*, соображая несоразмѣрность силъ его съ силами Мюрата“.

Въ запискахъ участника сраженія Н. Н. Андреева, молодой офицеръ 50 егерскаго полка такъ заканчиваетъ о красненскомъ дѣлѣ:

„Сраженіе наше есть необыкновенное: безъ правилъ и порядка; толпа наша была смѣшана изъ разныхъ полковъ, и сама безъ команды отбивалась и отступала. Всего насъ было 9 батальоновъ, а ихъ, о, ужасъ! 38 полковъ отличной кавалеріи и начальникъ ихъ Мюратъ... Ура! 27 дивизія не поддавалась. Голубчики не струсили и не дали непріятелю торжествовать. Первое сраженіе, дивизія молодая, рекруты, но отдѣлались. Хвала и Невѣровскому: онъ остановилъ стремленіе непріятеля и *обезсмертилъ* свое имя симъ сраженіемъ“.

Скромный Невѣровскій такъ писалъ о своихъ дѣйствіяхъ подъ Краснымъ¹⁰⁾: „такъ какъ я имѣлъ мало кавалеріи, то она скоро была избита отъ непріятеля, и дѣло дошло до одной пѣхоты“, а въ донесеніи своемъ отъ 16 августа за № 1379 изъ-подъ Вязмы пишетъ: „при этомъ отступленіи увидѣлъ (я) до чего можетъ возвыситься *мужество и неустрашимость русскаго солдата*, который съ твердостью, преодолевая всѣ препятствія, непріателемъ на пути ежеминутно полагаемыя, проложилъ себѣ дорогу... **„къ безсмертной славѣ“**, какъ выразился о томъ впоследствии Императоръ Александръ.

На слѣдующій день 27 дивизія присоединилась къ корпусу Раевского и раздѣляла съ другими нашими войсками славу упорной обороны Смоленска. 4-го августа часть дивизіи Невѣровскаго поставлена была на кладбищѣ лѣваго предмѣстья города. Некушенная уже недавнимъ упорнымъ сопротивленіемъ Мюрату, горсть людей билась тутъ въ продолженіе цѣлаго дня мужественно, отражая непрерывный напоръ непріятеля. На слѣдующій день 5 августа, когда ожесточенныя нападенія Наполеона возобновились въ болѣемъ размѣрѣ, 27 дивизія

¹⁰⁾ Записка генерала Невѣровскаго о службѣ своей. Книга 1-ая „Чтеній въ Императорскомъ обществѣ исторіи и древностей руссійскихъ“. 1859 г.

занимала Раченское предмѣстье. Направленный сюда корпусъ Понятовскаго истощалъ всё усилія къ одолѣнію русскихъ. Невѣровскій, подкрѣпленный гвардейскими егерями и искусными распоряженіями начальника артиллеріи 1-й арміи, графа Кутайсова, лично управлявшаго дѣйствіемъ орудій, представлялъ неодолимую преграду для поляковъ. Тщетно усиливались они ворваться въ городъ, бывший 200 лѣтъ назадъ въ ихъ обладаніи. Напрасно кидались они къ самымъ стѣнамъ, врываясь въ ворота небольшими толпами. Ни одинъ изъ нихъ не возвращался: пуля или штыкъ воиновъ Невѣровскаго полагали предѣлъ ослѣпленному усердію поляковъ въ дѣлѣ Наполеона, отмѣчаетъ Михайловскій-Данилевскій.

„За оба эти сраженія, пишетъ Н. Н. Андреевъ, не дали въ нашей арміи наградъ ни одному человѣку,—даже генераламъ ничего. Почему случилось такъ (подпоручикъ Андреевъ за Красный былъ представленъ къ Аннѣ на шпагу, а за Смоленскъ къ Владиміру 4 степени) не знаю, хотя нашего Невѣровскаго за Красное обезсмертили. Но ни онъ, ни мы никто не былъ награжденъ, а за Смоленскъ, прибавляетъ онъ, слѣдовало бы“.

За Красненское дѣло Невѣровскій дѣйствительно представилъ къ наградамъ 41 офицера своей дивизіи, 23 офицера Полтавскаго полка и 41-го егерскаго—21, Харьковскаго драг. и казачьихъ—13, но награды эти вышли разновременно въ 1813 и 1814 г.г., когда храбраго начальника ихъ, Невѣровскаго, уже не было въ живыхъ¹¹⁾.

Подъ Бородинымъ дивизія Невѣровскаго является въ новомъ блескѣ. Въ числѣ войскъ 2-й арміи, назначенныхъ подъ начальствомъ князя Горчакова защищать Шевардинскій редутъ, находилась и 27 дивизія. Послѣ жестокаго боя, продолжавшагося весь день 24 августа, Шевардинскій редутъ, атакованный французами, два раза переходилъ изъ рукъ въ руки, и наконецъ остался за нами. Пальба съ непріятельской стороны постепенно затихала и съ наступленіемъ сумерекъ совершенно прекратилась. Казалось, что приближавшаяся ночь и утомленіе

¹¹⁾ Всеподаннѣйшій докладъ фельдмаршала графа Барклая-де-Толли 22 апрѣля 1814 г. въ Парижѣ за дѣла 2, 4, 5 и 7 августа, на основаніи котораго было объявлено ВЫСОЧАЙШЕЕ благоволеніе всѣмъ представленнымъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои получили за сіе особья награды.—Моск. Отд. Арх. Гл. Шт. Опись 208. св. О. д. 106. л. 261.

непріятеля, изнуреннаго упорными нападеніями, должны были положить предѣлъ новымъ его покушеніямъ. Мракъ ночи покрывалъ уже окрестности Бородина, еще не увлажненныя потоками крови, не оглашенныя еще громомъ великой битвы 26 числа, увѣковѣчившей имя его, дотолѣ безвѣстное, когда вдругъ между редутомъ и Шевардинымъ послышался шумъ приближавшихся войскъ. Темнота сначала не позволяла различить числа ихъ, но загорѣвшійся вскорѣ въ непріятельской линіи стогъ сѣна освѣтилъ густую колонну, направлявшуюся съ очевиднымъ намѣреніемъ въ третій разъ овладѣть редутомъ. Князь Горчаковъ послалъ за 2-ою кирасирскою дивизіею, а въ ожиданіи ея приказалъ Невѣровскому остановить французовъ. Невѣровскій велѣлъ ссыпать порохъ съ ружейныхъ полокъ, и, приблизясь къ непріятелю въ совершенной тишинѣ, внезапно ударилъ въ штыки въ его флангъ, и въ рукопашномъ бою одержалъ успѣхъ.

Въ концѣ у князя Горчакова оставался въ резервѣ всего одинъ батальонъ Одесскаго полка. Ему пришла мысль задержать французовъ хитростью. Пользуясь темнотою, князь приказалъ батальону ударить походъ и кричать „ура“, не трогаясь съ мѣста. Французы, изумленные внезапно раздавшимися криками и барабаннымъ боемъ, приостановили свое наступленіе, желая выяснитъ откуда двигается невѣдомый противникъ. Колебаніе ихъ увеличилось отъ неподвижности батальона, и время атаки было упущено; подоспѣвшіе кирасиры бросились въ атаку, опрокинули непріятельскую кавалерію, смяли ее и отбили 8 орудій. Тѣмъ временемъ въ редутѣ завязался отчаянный бой, третій разъ онъ переходилъ изъ рукъ въ руки, и только во время 4-ой атаки князь Горчаковъ получилъ приказаніе отойти къ д. Семеновской.

Въ редутѣ французы захватили нѣсколько орудій, но ни одного плѣннаго. На другой день, когда Наполеонъ обозрѣвалъ мѣсто сраженія, то, на вопросъ—отчего нѣтъ плѣнныхъ, ему доложили: „что русскіе *умираютъ, но не сдаются*“. Эти слова относились и къ 27 дивизіи Невѣровскаго.

25 августа, наканунѣ сраженія, когда по линіи нашихъ войскъ, стоявшихъ на Бородинской позиціи, обносили икону Смоленской Божіей Матери, главнокомандующій князь М. И. Кутузовъ, желая повидимому еще болѣе вселить увѣренность

въ успѣхѣ, подѣхавъ къ Симбирскому полку дивизіи Невѣровскаго, сказалъ слѣдующее:

„Вамъ придется защищать землю родную, послужить вѣрою и правдою до послѣдней капли крови. Каждый полкъ будетъ употребленъ въ дѣло. Васъ будутъ смѣнять какъ часовыхъ черезъ каждые 2 часа. *Надѣюсь на васъ. Богъ намъ поможетъ*“¹²⁾. И Симбирскій, какъ и остальные полки 27 дивизіи, оправдали надежду главнокомандующаго и снова поддержали свою славу „*крѣпкой душой*“ дивизіи.

26 августа надъ бородинскими равнинами ярко взошло солнце, провозглашенное Наполеономъ солнцемъ Аустерлица. Дивизія Невѣровскаго стояла на лѣвомъ крылѣ арміи во второй линіи, за сводною гренадерскою дивизіею графа Воронцова, занимавшею укрѣпленія, построенныя впереди дер. Семеновской. Сюда обращены были первыя, самыя сильныя и рѣшительныя атаки Наполеона.

Когда дивизія Воронцова почти вся была истреблена массами безпрестанно наступавшаго непріятели, Невѣровскій ударилъ въ штыки. Кирасиры, нѣсколько полковъ драгунъ и уланъ содѣйствовали пѣхотѣ, и кровь дѣйствительно лилась здѣсь рѣкою, а Семеновскій ручей заалѣлъ отъ крови. Ни русскіе, ни французы не уступали другъ другу въ храбрости. Съ обѣихъ сторонъ подходили подкрѣпленія во все время губительной сѣчи; Невѣровскій мужественно держался съ своею дивизіею и, получивъ приказаніе отступить, отвелъ назадъ не болѣе какъ горсть людей, изъ дивизіи, бывшей еще недавно, передъ Красненскимъ боемъ, въ полномъ составѣ. Вся молодежь ея, которою Невѣровскій любовался передъ тѣмъ, легла за отечество. Примкнувъ съ остаткомъ своихъ полковъ къ другимъ войскамъ, Невѣровскій продолжалъ бой, и былъ контуженъ въ грудь и лѣвый бокъ ядромъ, оборвавшимъ поводья его лошади, но, пренебрегая раню, имѣвшею в послѣдствіи рѣшительно вліяніе на самую жизнь его, не оставлялъ поля битвы.

Вотъ какъ описываетъ Н. Н. Андреевъ участіе своего полка и 27 дивизіи въ Бородинскомъ сраженіи: „Многое о томъ пи-

¹²⁾ Михайловскій-Данилевскій. Описаніе войны 1812 г. Т. II, стр. 211.

сали и всѣмъ извѣстно. Тутъ перо мое не можетъ начертать всей картины. Проѣзжая поле, я увидѣлъ лошадей нашего полковника (Назимова) и спросилъ музыканта Максимова, гдѣ полковникъ, не убитъ ли? Къ счастью тотъ показалъ, что тутъ лежитъ живъ; онъ не сказалъ, а показалъ пальцемъ. Я подошелъ къ нему, и онъ съ горестью сказалъ, что полка нашего не существуетъ¹³⁾. Это было въ 7 час. вечера. Я отослать ящики назадъ, а самъ поѣхалъ впередъ къ дер. Семеновской, которая пылала въ огнѣ. На полѣ я встрѣтилъ нашего маіора Бурмина, у котораго было 40 человекъ. Это былъ нашъ полкъ. Онъ велѣлъ сихъ людей вести въ стрѣлки. Я пошелъ, и они мнѣ сказали: „ваше благородіе, нашъ полкъ весь тутъ; *ведите насъ послѣднихъ добивать*. И подлинно, взойдя въ лѣсъ, мнѣ представилась картина ужаснѣйшая и невиданная... Всякій дрался чѣмъ могъ, кто тесакомъ, саблей, дубиной... Боже, что за ужасъ. Мои егеря рассыпались по лѣсу, и я ихъ больше не видалъ и поѣхалъ къ дер. Семеновской. Возлѣ деревни я увидѣлъ дивизионнаго начальника, который мнѣ велѣлъ, гдѣ увижу собрать къ деревнѣ его дивизію. Въ 11 часовъ была дивизія собрана, всего до 700 человекъ. Въ Одесскомъ полку командовалъ поручикъ, въ Тарнопольскомъ—фельдфебель и т. д., въ нашемъ—полковникъ и три офицера со мною“¹⁴⁾.

За Бородинское сраженіе Невѣровскій былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. Но несмотря на всѣ потери, испытанная 27 дивизія при отступленіи отъ Москвы была въ арьергардѣ, а затѣмъ послѣ 22-го сентября, отъ Воронова, въ авангардѣ, такъ какъ, пишетъ Андреевъ, „съ сего пункта ретироваться перестали. Здѣсь дивизионной начальникъ нашъ, Невѣровскій, просилъ графа Милорадовича, чтобы онъ смѣнилъ дивизію его, разбитую до невозможности, сказавъ, что она безъ обуви, не имѣетъ времени починиться, да и силами ослабѣла, всегда подъ выстрѣлами отъ Смоленска. „Знаю, ваше превосходительство, что дивизія ваша ослабѣла силами; но зато *тверда дугомъ!*“ отвѣчалъ графъ, и Невѣровскому не оставалось болѣе, какъ благодарить

¹³⁾ Послѣ Тарутина 50 егерскій и Тарнопольскій полки были дѣйствительно посланы вновь формироваться въ г. Ардатовъ Нижегородской губ., въ числѣ всего 40 человекъ и штаба.

¹⁴⁾ Рус. Архивъ. 1879, Т. III, стр. 192.

за честь, которую ему дѣлаетъ графъ. Церемонія кончилась, и мы все остались въ авангардѣ“. Въ Тарутинскомъ лагерѣ 27 дивизія, въ рядахъ которой оставалось всего 1163 чел., была укомплектована частью остатками 50-го егерскаго и Тарнопольскаго, частью ополченцами и рекрутами. Обучая тамъ вновь поступившихъ подъ его начальство солдатъ, Невѣровскій говаривалъ имъ часто: „помните, что вы носите *имя 27-ой дивизіи*“. Тарутинскій лагерь былъ отраднымъ отдохновеніемъ Невѣровскаго послѣ продолжительныхъ трудовъ, ибо, до вступленія въ сей лагерь, онъ, какъ и все соратники его, почти въ теченіе мѣсяца не раздѣвался. Но здѣсь бородинская контузія начала его мучить.

По возобновеніи военныхъ дѣйствій, дивизія его участвовала 12 октября въ сраженіи подъ Мало-Ярославцемъ, была тамъ въ сильномъ огнѣ и дралась упорно, а потомъ, когда Наполеонъ побѣжалъ по Смоленской дорогѣ обратно, находилась въ преслѣдованіи его, часто на маршахъ, среди вьюгъ и ненастья, привѣтствуемая и ободряемая самимъ Кутузовымъ. Видя, какъ сотнями падали люди по дорогѣ отъ сильныхъ маршей, недостатка въ пищѣ и среди лютыхъ морозовъ, Кутузовъ неоднократно останавливалъ колонны и говорилъ имъ о великомъ значеніи Отечественной войны, и увѣщевалъ къ напряженію послѣднихъ силъ, говоря войскамъ, что всякая остановка гибельна, давая время „злѣдью убѣжать“. Солдаты ободрялись его привѣтомъ, и громогласное „ура“ бывало отвѣтомъ великому вождю. Но природа все болѣе и болѣе вступала въ свои права, и полки русскіе и 27 дивизія рѣдѣли. Въ декабрѣ мѣсяцѣ, по прибытіи въ Вильну, Кутузовъ оставилъ тамъ Невѣровскаго для вторичнаго укомплектованія 27-й дивизіи. Здѣсь былъ онъ утѣшенъ свиданіемъ съ своею супругою. На повторенныя сюда просьбы младшаго брата своего, Ивана, о переводѣ его изъ флота въ армію, Невѣровскій писалъ ему: „братъ Павелъ умеръ; братъ Николай скончался отъ раны, полученной подъ Бородинымъ; братъ жены, какъ слышно, убитъ подъ Бауценомъ. Богъ знаетъ, что еще ожидаетъ меня? Ты долженъ остаться опорой нашего семейства“. Эти простыя, но глубоко трогательныя строки, гдѣ исчислены потери нѣсколькихъ родныхъ, безъ сѣтованія и упрека на судьбу,

переносятъ насъ въ великій Двѣнадцатый годъ, но въ нихъ невольно высказывается печальное предчувствіе и собственнаго жребія. Передъ выступленіемъ за границу, въ сердцѣ Невѣровскаго тяготѣла уже мысль, что, оставляя священную землю родины, онъ не увидитъ ее болѣе.

По отъѣздѣ супруги его изъ Вильны, готовясь выступить за границу, Невѣровский писалъ ей: „правда твоя, мой другъ, что я иногда бросался, куда бы и не слѣдовало. Три раза въ разныхъ дѣлахъ самъ въ штыки ходилъ, но долгъ и честь такъ повелѣвали, и за то, можетъ быть, Богъ меня спасъ, *что пули я не боялся*. Въ Вильнѣ я былъ принятъ Государемъ весьма милостиво, и вотъ Его слова при всѣхъ генералахъ: *„дивизія твоя дралась славно, и Я никогда тебя и твоей дивизіи не забуду“*. Такъ, мой другъ, Дмитрій твой служилъ храбро и честно“.

Весной 1813 года Невѣровский выступилъ изъ Вильны, соединился съ союзными войсками и поступилъ въ корпусъ генерала Сакена, бывший въ составѣ Силезской арміи Блюхера. Прямой, пылкій и въ старости, Блюхеръ съ перваго свиданія полюбилъ храбраго Невѣровскаго и скоро сблизился съ нимъ, а съ Сакеномъ Невѣровский былъ друженъ издавна, еще въ Ревелѣ, когда послѣ Тильзитскаго мира онъ жилъ тамъ. На пути Невѣровский получилъ пріятное для себя извѣстіе, что его любимый Павловскій гренадерскій полкъ, шефомъ котораго онъ продолжалъ числиться, за свои отличные подвиги и рѣдкое мужество въ 1812 г. подъ Бородинымъ и въ ноябрѣ подъ Краснымъ, причисленъ къ составу Лейбъ-Гвардіи и пожалованъ Георгіевскими знаменами,—что было тогда первымъ еще примѣромъ.

Полки же 27-ой дивизіи **ВЫСОЧАЙШИМЪ** приказомъ 13 апрѣля 1813 г. были пожалованы: всѣ пѣхотные—гренадерскимъ боемъ, 49 и 50 егерскіе—серебряными трубами, а Одесскій и Симбирскій—еще и знаками на кивера. Сказались такимъ образомъ плоды его долгихъ трудовъ и многихъ усилій. Такія, отличія какъ пожалованіе Павловскому полку правъ гвардіи и всей 27 дивизіи, конечно, были исключительными, но были дѣйствительно заслуженными на боевомъ полѣ, подъ личнымъ предводительствомъ или трудами Дмитрія Петровича Невѣровскаго.

Первое сраженіе, данное Блюхеромъ послѣ перемирія, было при Кацбахѣ. Невѣровскій стоялъ съ дивизіей на правомъ крылѣ союзной арміи, гдѣ поддерживалъ блистательную кавалерійскую атаку Васильчикова, рѣшившаго побѣду въ нашу пользу. Вечеромъ, когда сраженіе уже кончилось, двѣ дивизіи корпуса Сугама устремились на нашъ правый флангъ, гдѣ былъ Сакенъ, думая воспользоваться темнотою, но были замѣчены: 27-я дивизія мгновенно стала въ ружье и встрѣтила французовъ батальнымъ огнемъ и артиллерією. Непріятель поспѣшно отступилъ, преслѣдуемый казаками. За Кацбахское сраженіе Прусскій король пожаловалъ Невѣровскому орденъ Краснаго Орла, врученный ему Блюхеромъ лично.

По возвращеніи войскъ въ Россію, когда Невѣровскаго не было уже въ живыхъ, графъ Ф. В. Сакенъ находился однажды на крестинахъ у помѣщика Полтавской губерніи Оболонскаго. Выпивъ за здоровье новорожденнаго, недавній генераль-губернаторъ Парижа предложилъ слѣдующій тостъ: „въ память уроженца Полтавской губерніи, героя Невѣровскаго!“

Дѣятельно участвовалъ Невѣровскій во всѣхъ сраженіяхъ Силезской арміи, а особенно подъ Лейпцигомъ. Въ послѣдній день сей битвы народовъ, Невѣровскій послѣ неимовѣрныхъ усилій овладѣлъ сѣвернымъ предмѣстьемъ Лейпцига и, по обыкновенію, не щадя себя и подавая собою примѣръ мужества, встрѣтилъ здѣсь конецъ своего боевого поприща. Тяжело раненый пулею въ ногу, онъ принужденъ былъ удалиться съ поля битвы. Медленно и неохотно отъѣзжалъ онъ назадъ, хотя кровь обильно струилась изъ ноги его, а лицо его было блѣдно, какъ полотно. На другой день Невѣровскаго перевезли въ Галле. Освидѣтельствованіе раны врачами показало, что пуля остановилась въ кости, и такъ глубоко, что невозможно казалось вынуть ее. Полковой лѣкарь, Лейбусъ, надѣялся излѣчить рану посредствомъ нагноенія или сохранить жизнь Невѣровскому отнятіемъ ноги. Во время его страданій, Беннигсенъ, проходя черезъ Галле съ войсками, посѣтилъ раненаго, изъявилъ ему живѣйшее участіе и прислалъ къ больному искуснаго оператора Малахова. Малаховъ прорѣзалъ рану Невѣровскаго, вынулъ нѣсколько раздробленныхъ костей, зацѣпилъ щипцами пулю, рванулъ, но французскій свинець держался крѣпко. „Вотъ“, сказалъ Невѣров-

скій, пересиливая мучительную боль, „говорять, что мы не умѣемъ терпѣть. Все можно перенести“. Потомъ онъ просилъ собрать вынутыя изъ ноги его кости и сохранить ихъ на память. Черезъ нѣсколько минутъ, необходимыхъ для отдохновенія, Малаховъ вновь зацѣпилъ пулю щипцами. Безъ стонувъ, съ возможною челоуѣку твердостью, старался Невѣровскій перенести возобновленную пытку, но когда пулю наконецъ вынули, отъ сильной боли въ груди и лѣвомъ боку, пораженныхъ контузіею, полученной подъ Бородинымъ, онъ впалъ въ горячку. Спустя нѣсколько дней, близъ раны открылся антоновъ огонь. Поздно уже было приступить къ отнятію ноги; больной былъ слишкомъ слабъ для перенесенія новыхъ страданій, ибо горячка развилась до послѣдней степени. „*Впередъ! На штыки!*“ повторялъ въ бреду испытанный Суворовскій сподвижникъ Д. П. Невѣровскій, и съ сими словами, любимымъ кликомъ его въ пылу битвъ, скончался на рукахъ врача и адъютантовъ своихъ 21-го октября 1813 года, сорока двухъ лѣтъ отъ рожденія.

Онъ былъ еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и много новыхъ подвиговъ могъ бы еще совершить, продолжая служить отечеству. Смерть его повергла въ глубокую горестъ многочисленное семейство и непритворно опечалило сослуживцевъ и подчиненныхъ. Съ воинскими почестями похоронили Невѣровскаго въ Галле. За гробомъ несли знаки его заслугъ, и между ними ордена Св. Владиміра 2-й и Св. Георгія 3-ей степени, воздаяніе послѣднихъ его подвиговъ, не успѣвшіе украсить грудь мужественнаго воина, ибо были присланы наканунѣ его кончины.

Черезъ годъ отдаленная отъ отечества могила Невѣровскаго почтена была военною тризною. По окончаніи войны, Лейбъ-Гвардіи Павловскій полкъ, возвращаясь изъ Парижа въ Россію, проходилъ черезъ Галле. По общему желанію офицеровъ, полковой священникъ отслужилъ панихиду передъ всѣмъ полкомъ надъ прахомъ Дмитрія Петровича. Всѣ горячо молились за упокой души своего незабвеннаго Шефа. Многіе офицеры и нижніе чины, выдавшіе за эти 3 года не одну тысячу смертей, горько плакали, видя одинокую могилу своего генерала, похороненнаго на чужбинѣ. „Загремѣли барабаны, пишетъ очевидецъ, раздалась команда „накройсь“, и полкъ церемониальнымъ маршемъ прошелъ мимо могилы горячо любимаго

Шефа, бросая прощальный взоръ на могилу, сдѣлавшуюся историческою и для Россіи и для Л.-Гв. Павловскаго полка“. Признательность и любовь подчиненныхъ къ Невѣровскому, не остывшія и за гробомъ его, свидѣтельствуютъ о превосходныхъ качествахъ покойнаго, невольно рождая мысль, какъ почтенна жизнь, пожертвованная благородному, высокому служенію для отечества и озаренная лучами военной доблести.

Императоръ Александръ повелѣлъ выдать вдовѣ Невѣровскаго значительное единовременное пособіе и производить въ пожизненную пенсію полное жалованье покойнаго мужа, а племянниковъ его принять для воспитанія въ военно-учебныя заведенія. Императоръ Николай увеличилъ пенсію вдовѣ Невѣровскаго и приказалъ опредѣлить въ Пажескій корпусъ, сверхъ комплекта, одного изъ племянниковъ покойнаго генерала.

Такова была боевая жизнь Невѣровскаго, съ того дня, когда онъ тайно уѣхалъ отъ графа Завадовскаго въ армію и до той минуты, когда Лейпцигская пуля исторгла его изъ рядовъ русскаго воинства, коего онъ былъ украшеніемъ. Отъ самой первой юности и до конца дней являлись въ немъ одни и тѣ же черты, неизмѣнныя въ продолженіи всей его жизни: скромность, благонравіе, страсть къ военной службѣ, неустранимость, строгое исполненіе обязанностей, любовь къ боевой славѣ, чуждая всякой суетности и корысти. Юноша—сержантъ гвардіи въ восьмидесятихъ годахъ, храбрый молодой офицеръ въ послѣднія войны Императрицы Екатерины, отлич-

Видъ памятника надъ могилою Д. П. Невѣровскаго въ г. Галле.

ный командиръ полка въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, распорядительный и мужественный дивизионный начальникъ въ 1812 и 1813 годахъ, онъ постоянно сохраняетъ главные свойства своего характера, чистосердечнаго и прямодушнаго. Любимый и уважаемый одинаково старшими и подчиненными, питавшими къ нему почти восторженную привязанность, нѣжный супругъ, добрый братъ и родственникъ и, наконецъ, чловѣкъ чести и правилъ безукоризненныхъ. Съ простотою обхожденія соединялъ онъ возвышенный умъ, съ откровенностью—здравое и глубокое воззрѣніе на предметы.

„Имя Невѣровскаго, замѣчаетъ Михайловскій-Данилевскій, сдѣлалось въ Россіи народнымъ. Новое поколѣніе воиновъ повторяетъ его часто съ другими именами незабвенной эпохи Александровой. Поэзія и изящныя искусства могутъ взять для своихъ произведеній изъ жизни Невѣровскаго нѣсколько прекрасныхъ минутъ, способныхъ вдохновить поэта, скульптора и живописца: перевозимое самимъ непріателемъ отступление отъ Краснаго¹⁵⁾, кровавую во мракѣ ночи, защиту Шевардинскаго редута при третьемъ на него покушеніи французовъ, мигъ грозной сѣчи Бородинской, гдѣ Невѣровскій, чудно уцѣлѣвшій среди тысячи смертей, витавшихъ надъ нимъ, собираетъ вокругъ себя горсть разсѣянныхъ воиновъ и снова ведетъ ихъ хладнокровно въ огонь. Наконецъ минута, когда распростертый на смертномъ одрѣ, угасающимъ воображеніемъ, въ бреду горячки, блуждаетъ онъ въ пылу битвы, когда послѣднее слово, излетѣвшее изъ замирающихъ, хладѣющихъ устъ его, было военный кличъ побѣды: „*Впередъ! Въ штыки!*“

„Русскій путешественникъ, заканчиваетъ Михайловскій-Данилевскій его біографію, проѣзжая черезъ Галле, посѣти уединенную могилу доблестнаго соотечественника, помолись надъ прахомъ Невѣровскаго!“

По ВЫСОЧАЙШЕЙ волѣ прахъ Невѣровскаго въ 1912 г. будетъ перевезенъ въ Россію, и его покроетъ, наконецъ, родная земля, а мѣсто ожесточенныхъ схватокъ, 26 августа 1812 г., на Семеновскихъ флешахъ будетъ могилою героя Д. П. Невѣровскаго.

Читатель, посѣти же его могилу на Бородинскомъ полѣ, она близка и дорога русскому сердцу!

¹⁵⁾ Красненское земство въ ноябрѣ 1911 г. постановило открыть подписку на памятникъ Д. П. Невѣровскому въ г. Красномъ.

ФОРМУЛЯРНЫЙ СПИСОКЪ

о службѣ Шефа Лейбъ-Гвардіи Павловскаго полка, Дивизионнаго Командира 27 дивизіи Генераль-Лейтенанта НЕВЪРОВСКАГО, который ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ 7 февраля 1814 года исключенъ изъ списковъ умершимъ отъ полученныхъ ранъ.

(Изъ книги формулярныхъ списковъ Моск. Отд. Арх. Гл. Штаба за 1816 г., форм. № 130).

Шефъ. Генераль-Лейтенантъ. Орденовъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія 3-й и 4 степени, Св. Равноапостольнаго Князя Владиміра 2 и 3 класса и Св. Анны I степени и Прусскаго ордена Краснаго Орла кавалеръ, Дмитрій Петровъ сынъ Невѣровскій—43лѣтъ. Изъ малороссійскихъ дворянъ города Золотоноши, за отцомъ его мужеска полу 30 душъ крестьянъ.

Въ службѣ сержантомъ 1786 г. мая 16 Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскомъ полку. Выпущенъ въ полевые полки поручикомъ 1787 г. октября 3—въ бывшій Малороссійской, которой потомъ именовался Малороссійскимъ кирасирскимъ. Переведенъ въ Архангелогородской мушкатерской полкъ 1789 г. апрѣля 15. Отряженъ Екатеринбургскаго егерскаго корпуса въ 4 баталіонъ 1791 г. декабря 29. Капитаномъ 1792 г. іюня 2. Секундъ-маіоромъ 1795 г. іюня 5—въ томъ же баталіонѣ. Маіоромъ 1796 г. ноября 29.—По расформированіи того баталіона переведенъ въ Малороссійской гренадерской полкъ 1797 г. декабря 21. Подполковникомъ 1799 г. ноября 3.—По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію переведенъ въ 1 морской полкъ 1803 г. августа 18. Полковникомъ 1803 г. сентября 14. Генераль-маіоромъ 1804 г. марта 20 съ назначеніемъ Шефомъ въ 3 морской полкъ. По ВЫСОЧАЙШЕМУ приказу переведенъ въ Павловской гренадерской полкъ 1807 г. ноября 2. Сдалъ полкъ 1812 г. января 20. По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію отправился къ 27 пѣх. дивизіи. Генераль-лейтенантомъ 1812 г. октября 31.

Во время службы своей въ походахъ и дѣлахъ противъ непріятели былъ: въ 1788 г. въ Бессарабіи и Молдавіи сентября 7 урѣчки Салчѣ при разбитіи непріятельскихъ войскъ; 8, 9, 10 и 11 при преслѣдованіи непріятельской сильной арміи до города Измаила; 12 при обложеніи онаго города Измаила и стрѣляніемъ по онымъ изъ полковой артиллеріи въ ноябрѣ мѣсяцѣ; при атакѣ и покореніи города Бендеръ 1790. 1791 и 1792 г. мая по 18 число въ Молдавіи, а со онаго въ Польшѣ противу войскъ противной факціи; іюня 4 при Деревницѣ въ лѣсу, въ разсыпную, при разбитіи непріятели и при прогнаніи онаго. 7-го при Городищѣ на полевой въ жестокомъ сраженіи, за которыя два дѣла, гдѣ оказалъ довольные успѣхи, произведенъ капитаномъ; 14, 15 при мѣстечкѣ Острогахъ и при бомбардированіи онаго; 26-го при прогнаніи непріятели вторично изъ мѣстечка Владиміра, потомъ слѣдуя

до мѣстечка Дубенокъ и Мокрушева, а 15-го при разбитіи подъ онымъ непріятельской конницы; 1793 г. въ Литвѣ; 1794 г. апрѣля 6 во время учинившагося въ Варшавѣ возмущенія противу мятежниковъ; мая 28 при выгнаніи непріятели изъ мѣстечка Бѣлова; іюня 28 и 29 при мѣстечкѣ Песочномъ, противу непріятели, укрѣпленнаго батареями, и преслѣдованія онаго до Варшавы, потомъ при атакѣ оной и въ содержаніи ложементовъ передовой пѣпи; іюля 20 и 28, августа 5 и 21 въ отраженіи отрядовъ; сентября 29 при замкѣ Мацеовицахъ при разбитіи и взятіи въ плѣнъ главнаго начальника Костюшки; октября 24 при штурмованіи Праги въ сраженіи находился и за отличные подвиги произведенъ въ майоры, и по ВЫСОЧАЙШЕМУ манифесту пожалованъ золотымъ знакомъ, съ уменьшеніемъ 3-хъ лѣтъ изъ срочнаго времени къ полученію военнаго ордена; 1805 г. сентября 14 командированъ былъ на десантное судно въ числѣ десантныхъ войскъ; сентября 29 высаженъ на берегъ въ Шведскую Померанію на островъ Рюгенъ, а оттуда сухимъ путемъ октября 13-го въ Мекленбургію, ноября 2 въ ГанOVERское владѣніе, а изъ онаго 1806 года генваря 27 обратно въ предѣлы Россіи чрезъ Пруссію, апрѣля 19 на Россійскую границу. 1812 г. августа 2 въ сраженіи подъ г. Краснымъ; 4 и 5 при г. Смоленскѣ; 24 при Шевардинѣ, а 26 въ генеральномъ сраженіи при Бородинѣ, гдѣ и оконтуженъ въ грудь и лѣвый бокъ. Сентября съ 15 по 22 въ арьергардѣ при движеніи арміи къ Тарутину; октября 12 подъ Малоярославцемъ. 1813 г. августа 14 при Кацбахъ; октября 4 и 6 при г. Лейпцигѣ, гдѣ и раненъ тяжело въ ногу пулею, отъ которой раны октября 21 дня 1813 г. волею Божіею и померъ и погребенъ въ г. Галле.

Россійской грамотѣ знаетъ. Въ штрафахъ не бывалъ. Въ отлучкѣ въ 1810 г. декабря съ 18—1811 года марта по 15 былъ и на срокъ къ полку явился. У него жена Елисавета Алексѣева. Дѣтей не имѣеть.

Съ ВЫСОЧАЙШАГО соизволенія въ 21 день августа 1911 года, прахъ Генерала Невѣровскаго въ 1912 г. перевозится въ Россію для погребенія на Бородинскомъ полѣ.

В. Афанасьевъ.

REVISED A. H. CONVERSE'S HISTORY OF MASSACHUSETTS 1912.

PAMPHLET BINDER

Syracuse, N. Y.

Stockton, Calif.

